

«ОБРАЗ КРЫЛОВА» В ВОСПРИЯТИИ К. Н. БАТЮШКОВА

Уже одно упоминание имени знакомого писателя несет с собой некое впечатление «внешности», определяемое «образом» его произведений. «Старик Аксаков» — непременно седой патриарх с окладистой бородою, как будто и молодым никогда не был. «Малютка Батюшков» (по возрасту переживший С. Т. Аксакова) — обязательно «юноша-поэт» со светлыми кудрявыми волосами. «Язвительный Вяземский» — человек «без возраста», в непрменных круглых очках и с улыбкой опытного аналитика. Поэты XVIII века — почти все «мужи» почтенного возраста. И некий особенный символ «возмужалости» — «дедушка Крылов», средоточие стихии поэтического «учительства» и житейского морализаторства.

Нет необходимости доказывать, что этот хрестоматийный «образ Крылова» никоим образом не отражает всех сложностей личностного и творческого облика баснописца. Но если обратиться к самому процессу оформления этого образа, то можно наметить ряд существенных тенденций, в соответствии с которыми образ этот, существуя в сознании современников во всей своей сложности, постепенно освобождался от каких-то «неглавных» черт и начинал осознаваться как биографический миф со всеми его конструктивными элементами.

Этот-то процесс «очищения» — и соответственной мифологизации — «образа Крылова» любопытно проследить в спектре оценок его личности — житейской и творческой, представленных его младшим современником К. Н. Батюшковым.

В письмах Батюшкова Крылов упоминается 33 раза (не считая писем «сумасшедшего» периода). По этим письмам устанавливается начало личного знакомства обоих поэтов: лето 1808 года (II, 78).¹ Они познакомились в доме А. Н. Оленина, который около этого времени принял горячее участие в судьбе Батюшкова (II, 84). С этих пор они особенно не сближались, хотя продолжали быть в приятельских отношениях. Существовала между ними и переписка: в одном из писем 1816 г. Батюшков упоминает полученное им письмо от Крылова (II, 398), а в 1817 г. через Н. И. Гнедича благодарит его за поправки и замечания к текстам «Опытов в стихах и прозе» (II, 436; 450, 453 — ни письма Крылова, ни замечания до нас не дошли).

¹ Произведения и письма К. Н. Батюшкова цитируются по наиболее полному научному изданию: *Батюшков К. Н. Соч.*: В 2 т. М., 1989. Далее в скобках указываются том и страница этого издания.

Но за этими достаточно скудными материалами «внешне-го» общения Крылова и Батюшкова стоит нечто более существенное. Батюшков постоянно намечает «для себя» некий «образ Крылова», как бы пытаюсь разобраться в непростых и противоречивых чертах многослойной личности поэта старшего поколения, произведения которого очень ему нравятся. При этом Батюшков как бы старается определить для себя: «делать жизнь с кого»...

Первое из развернутых упоминаний этого ряда находим в письме Батюшкова к Гнедичу от 1 ноября 1809 г. — оно формирует исходное восприятие: «Крылов родился чудачком. Но этот человек — загадка, и великая!.. Играть и не проигрывать. Скупость уметь соединять с дарованиями, и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался... Но я боюсь рассуждать, чтоб опять не завраться» (II, 108).

«Крылов родился чудачком...» Понятие «чудак» в представлении начала XIX в. было многозначным. Здесь и прямое значение: «чудаковатый», смешной человек, непохожий на других. И значение некоего «бытового» вызова окружающему миру: пушкинский Онегин выступает как «опаснейший чудак» (в восприятии соседей) и как «неисправленный чудак», «притворный чудак» (в восприятии автора). И значение, определяющее психологические искания предромантизма: «чудак» как средоточие противоречий «внутреннего человека», осмысляемое не столько бытом, сколько особенностями «устройства» человеческого ума и «сердца», на дне которого «крокодил» (образ из повести Ф. Р. Шатобриана «Рене», трансформированный в стихотворении Батюшкова «Счастливец»).

В пределах этой многозначности Крылов как тип «писателя-чудака» становился в глазах его младшего современника неким эталоном, носителем целого ряда факторов мифологического порядка. Бытовое «чудачество» становилось показателем «перевернутой» биографии (что отмечается в современных биографиях Крылова): «Когда-то, в дни молодости, Иван Андреевич Крылов придумал для себя псевдоним „Нави Вольтерк“. Если прочесть эти слова наоборот, то и получится „Иван Крылов“. Таким „человеком наоборот“ и прожил свою долгую жизнь баснописец».² Отсюда же происходил и характерный «вызов» окружающему «правильному» обществу, которое «неправильный» гений заставляет смириться со своими «чудачествами». Здесь, наконец, заключалась и сама «загадка»: поиски тех истоков «чудачества», которые делают его характеристическим явлением времени.

«Загадку» эту Батюшков пытается объяснить, отталкиваясь от наиболее «заметного» биографического качества крылов-

² Смирнов-Сокольский Н «Нави Вольтерк» Библиографическая повесть об Иване Крылове // Смирнов-Сокольский Н Рассказы о книгах 2-е изд М, 1960 С 271

ской личности — знаменитой крыловской «лени», его «спокойствия, доходящего до неподвижности» (П. А. Плетнев).³ И уповает на «труд»: «...ибо если б он более трудился, более занимался...» Но не случайно также и опасение «завратиться» в этом пассаже. Через несколько месяцев — в записной книжке 1810 г. («Разные замечания») — Батюшков ставит вопрос несколько иначе: а что, собственно, означает эта крыловская «лень»?

«Чтоб написать толстую ученую книгу, вам надобно иметь бумагу, перо и книги. Выбирай и пиши. Чтоб написать умную песню, надобно иметь сердце и ум. Однако ж иные не любят ни певца, ни дарования, а очень любят толстые книги. Я видел людей, которые стояли на коленях перед профессором, сочинителем „Лексикона“ (!!!), и те же люди разговаривали с Крыловым как с простяком» (II, 25).

В записной книжке 1817 г. («Чужое: мое сокровище!») эта же идея уточняется и принимает парадоксальный вид. Батюшков рассуждает о той бездне «чтения», которая открывается перед «трудящимся литератором»: «Какая пучина! Англичане, немцы, итальянцы, португальцы, гишпанцы, французы, восточные полуденные народы и вечные древние! Кто обвинит все творение ума человеческого! и зачем? Крылов ничего не читает, кроме „Всемирного путешественника“, расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант нелюбопытен: ум жаден к новости; но что в уме без таланта, скажите, Бога ради! И талант есть ум: правда! Но ум сосредоточенный» (II, 45).

Современный поэт поэтически развил эту парадоксальную идею на соединении тех же двух имен: Батюшкова и Крылова:

Физически нельзя
Быть в курсе всех событий
Как Батюшков сказал —
Талант нелюбопытен
Он прочим — не чета
Рождающему слово
Не надо все читать, —
Возьмите хоть Крылова 4

Соединение это отнюдь не случайно. Батюшков совершенно искренне считал, что гений Крылова лежит где-то на стыке таланта, лени и особого рода «нелюбопытности», возникающей на том этапе, когда талант начинает реализовываться как «сосредоточенный ум».

В экспромте «Есть дача за Невой...» (вошедшем в состав письма к А. И. Тургеневу от середины мая 1813 г.) Батюшков обозначил четыре устойчивые номинации «образа Крылова»:

³ Плетнев П. А. Иван Андреевич Крылов // И. А. Крылов в воспоминаниях современников М., 1982 С. 200

⁴ Городницкий А. Берег М., 1984 С. 71

Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях... (II, 249).

«Поэт» — и «лентяй», «счастливец» — и «философ». Для представлений начала XIX в. это противоречивые данности: поэт не должен быть «лентяем», равно как и счастливец — «философом». И в этом смысле Крылов тоже оказывается «загадкой».

Подобные установки определили и «образ Крылова» в знаменитой сатире Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809). М. Г. Альтшуллер справедливо предположил, что само появление этой сатиры было своеобразным литературным откликом на эпизод (случившийся 13 марта 1809 г.), когда Крылов, баллотировавшийся в Российскую академию вместе с такими «столпами», как С. А. Ширинский-Шихматов и А. А. Писарев, был демонстративно «провален» (в то время как прочие получили одобрение приемной комиссии).⁵ Этот беспрецедентный провал популярного сатирика, драматурга и баснописца был, в системе вышеприведенных наблюдений Батюшкова, вполне естествен: с Крыловым обошлись, «как с простяком».

В сатире Батюшкова «на берегах Леты» собирается пестрая толпа современных литературных деятелей: карамзинисты и «сочлены» Шишкова, патриоты и космополиты, сентименталисты и романтики, женщины и мужчины... Все они имеют одну общую черту: их творения тонут в Лете, т. е. обрекаются на забвение. «Бессмертия» удостоены двое: «славенофил» А. С. Шишков (в отличие от его «собратьев юных») и — Крылов. В том, что «спасшихся» в Лете именно двое (а не один Крылов, вопреки расхожему мнению), заключался огромный полемический смысл.

Действительно, «славенофил» добивается своего бессмертия с великими трудностями:

Один, один славенофил,
И то повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду (I, 376).

Литературная молва тут же прибавила стих, поясняющий характер шишковского «бессмертия»: «Поставлен с Тредьяковским к ряду».⁶ В основных списках сатиры этот стих отсутствует: все ясно и без него. «Громада трудов», «дела», да еще и чрезмерное напряжение сил плохо сочетаются с обликом истинного таланта.

⁵ Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 170—171.

⁶ См.: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869. С. 197.

Крылов же удостоен бессмертия с завидной легкостью: не за какие-то «дела» (в отличие от Шишкова он может представить «на суд» *очень мало*), а просто за то, что он настоящий *поэт*. И даже за то, что он *лентяй и счастливец*. И за то, что *чудак*:

Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранным,
В пуху, с нечесаной главой,
С салфеткой, с книгой под рукой
«Меня врасплох, — она сказала, —
В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов.
Теперь же час, друзья, обедать,
Я — вам знакомый, я — Крылов» (I, 376—377)

«Образ Крылова» здесь явно снижен, и однако, как заметил Н. И. Гнедич в письме к Батюшкову, следует «признаться, что пьеса будто для него одного писана». В том же письме Гнедич сообщает о реакции Крылова: «Каков был сюрприз Крылову; он на днях возвратился из карточного путешествия; в самый час приезда приходит к Аленину и слышит приговоры курносого судьи на все лица; он сидел истинно во образе мертвого; и вдруг потряслось все его здание и у него слезы были на глазах...»⁷

И сама «сниженность» образа здесь явно особенная. Основными чертами «биографического» Крылова оказываются здесь желание поспать («лень») и страсть покушать. Судя по сатире, Крылова «в обед нарочно смерть застала», но, явившись на берега Леты, он более всего озабочен тем, как бы пообедать «хоть сызнава», и в конце концов —

Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай (I, 377)

«Однажды Батюшков шутя предсказал в стихах, что Крылов умрет за обедом. Современники впоследствии утверждали, что почти так оно и случилось», — заметил по этому поводу М. А. Гордин.⁸ «Образ Крылова», любителя покушать, сформировался во многом благодаря этой сатире и впоследствии трансформировался в мемуарах современников как действительно *ведущая* черта его облика: «Любил покушать наш Иван Андреевич! Не многие осмеливались с ним состязаться в этом деле; он выдерживал в гастрономии сильные поединки и всегда оставался победителем» (М. Е. Лобанов).⁹

⁷ С неточностями приведено в кн.: Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова М., 1971 С 146 Ср автограф: ИРЛИ, р 1, оп 5, ед хр 56, л 7 (письмо от 6 декабря 1809 г)

⁸ Гордин М. А., Гордин А. М. Крылов реальность и легенда // И. А. Крылов в воспоминаниях современников С 27

⁹ Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения И. А. Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников С 70

Но у Батюшкова дело вовсе не ограничивается констатацией подобного «обжорства». Смысл введения этой детали более глубок. Крылов единственный из героев «Видения...» *ничего* не говорит ни о литературе, ни о собственных заслугах на поприще русской словесности, предпочитая темы намеренно «низкие», намеренно «прозаические». Но в его устах эти темы оказываются значимее и достойнее собственно «литературных» рассуждений всех прочих героев. Это черта, прямо соседствующая с истинным поэтическим «бессмертием».

Ни один из других героев «Видения...» не представлен Батюшковым так детально и так «биографически». По отношению к остальным Батюшков ограничивается саркастическими формулами, никак не определенными бытовым обликом: «*маленькая тень*» (Мерзляков), «*Русской и поэт*» (С. Глинка), «*Сафы Русские*», «*беззерный*» (Д. Языков), «*Пастушок*» (Шаликов) и т. п. Крылов же удостаивается бессмертия еще и потому, что его житейский и поэтический облик выходит за рамки «приличного» представления о «среднем» человеке.

При этом детали «образа Крылова», несмотря на «сниженность», не переставали осознаваться как характерно поэтические. Тот же М. Е. Лобанов, один из приятелей покойного баснописца, построил биографию Крылова как свод мемуарных анекдотов о поэтической лени, поэтическом «обжорстве» и особого рода «неопрятности», причем привел свод этих анекдотов из самых «поэтических» соображений. А лицеист Пушкин, создавая — в подражание сатире Батюшкова — свою сатиру «Тень Фон-Визина» (1815) и воспроизводя там ту же ситуацию литературного «суда»,¹⁰ на место «бессмертного» Крылова (явившегося «*в пуху с нечесаной головой*») ставит «бессмертного» Батюшкова («*Певец Пенатов молодой*»). И образ Батюшкова в восприятии Пушкина напоминает бытовой образ Крылова в восприятии Батюшкова: он тоже «*весь в пуху*» и ленивый, и сонный, и неряшливый, правда, еще

с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит¹¹

Так бытовой «образ Крылова» превращался в литературный образ истинного Поэта.

На этой «сгущенной» бытовой основе постепенно начинают проявляться черты будущего «*дедушки Крылова*», писателя старшего поколения, над некоторыми частностями облика которого можно подсмеиваться, но при этом не забывать об его особенной житейской мудрости, границы и существо которой выходят за пределы собственно литературы.

¹⁰ Сопоставление «Тени Фон-Визина» и «Видения на берегах Леты» см. Кошелев В. А. Пушкин и Батюшков К проблеме литературного влияния // Болдинские чтения Горький, 1987 С 4—17

¹¹ Пушкин Полн собр соч Изд АН СССР, 1937 Т 1 С 164

В «Моих Пенатах» (1811) Крылов назван «баловнем природы» (I, 212). В «Похвальном слове сну» (1816) — зашифрован как «знаменитый ленивец», «который пишет прелестные басни и комедии и необоримую леность свою умеет украшать прочнейшими цветами Поэзии и Философии» (I, 115—116). «Цветы Поэзии и Философии» Батюшков находит прежде всего в крыловских баснях: «Поклонись от меня бессмертному Крылову, бессмертному — конечно, так! Его басни переживут века. Я ими теперь восхищаюсь» (из письма к Н. И. Гнедичу от 17 августа 1816 г. — II, 399).

Судя по дате этого письма, Батюшков «восхищается» только что вышедшим новым изданием басен Крылова в четырех частях. Но и до этого времени в его письмах находим многочисленные следы этого восхищения. В прозе Батюшкова часты цитаты из крыловских басен «Лисица» (II, 33), «Крестьянин в беде» (II, 438), «Сурок» (I, 111), «Демьянова уха» (II, 509). Последние две басни он в июле 1813 г. послал П. А. Вяземскому «из благодарности за поправки» к «Моим Пенатам» (II, 251). В письме к Гнедичу из армии от 30 октября 1813 г. Батюшков заметил: «Скажи Крылову, что ему стыдно лениться: и в армии его басни читают наизусть. Я часто слышал их на биваках с новым удовольствием» (II, 264). В том же ряду — многочисленные упоминания типа: «Басни Крылова рассмешили» (II, 409); «...басни его здесь в великом употреблении» (II, 509) и т. п.

Но за этим «восхищением» скрывается совершенно особенное восприятие Батюшковым крыловских басен. Вот характерный пример.

В 1817 г. Батюшков завел записную книжку под названием «Чужое: мое сокровище!», куда поначалу записывал (с краткими замечаниями) понравившиеся ему «чужие» тексты. В этой книжке переписана обширная басня Крылова «Добрая лисица» (19-я басня из IV книги); далее следует комментарий: «Без сомнения, это одна из лучших басен Крылова. Изобретение, рассказ, слог, здесь все прелестно. Красноречие лисы убедительно, и последняя черта — *chef-d'oeuvre*: „И поученья не допела!“» (II, 33).

Замечание это — типичное для литератора, работающего в «близких» жанрах. Батюшков отмечает блистательно построенный сюжет («рассказ»), «слог», убедительность «красноречия» лисицы (ее речь, последовательно построенную по принципу градации) и особенно выделяет пуант-концовку. Подобный же «уровень» замечаний обнаруживает, например, Пушкин в пометах на полях батюшковских «Опытов...»: «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова».¹² Т. е., ка-

¹² Там же. Т. 12. С. 263.

залось бы, перед нами — литератор-«наследник» и поэт-«соперник».

Между тем все попытки Батюшкова работать в басенном жанре имели плачевный результат. В «Опыты» вошла лишь одна его басня — «Сон Могольца», но сам Батюшков (по свидетельству Пушкина) именовал ее впоследствии «монгольской басней» (т. е. варварской!).¹³ Два других его опыта в басенном жанре — «Пастух и Соловей» и «Филомела и Прогна» — явно неудачны. Не лучше, вероятно, были и не дошедшие до нас, перечисленные в оглавлении несостоявшегося сборника 1810 г. басни «Блестящий червяк», «Орел и Уж», «Лиса и пчелы» (II, 28). Не случайно же ближайший друг Батюшкова П. А. Вяземский именовал его в письмах «дурным баснописцем» и издевательски писал о его «прекраснейших способностях к ремеслу Лафонтена».¹⁴

Тем интереснее этот субъективный фактор батюшковского «соперничества». Выделяя, например, «последнюю черту» крыловской басни, он как будто даже не замечает, что это еще не финал, что за «пуант-концовкой» басенного рассказа следует большая (в 8 стихов) мораль, переадресовывающая поведение «доброй лисицы» к людям («На деле же почти такие люди все / Сродни моей лисе»). Собственно мораль его не интересует: его привлек мастерский *пуант*, который он тут же готов признать «шедевром». Басня эта переписана из IV книги крыловских басен; рядом с нею были напечатаны произведения, получившие несравненно более шумный резонанс: «Квартет», «Листы и Корни», «Лебедь, Щука и Рак», «Тришкин кафтан», «Любопытный».. Батюшков почему-то выбрал именно эту. Кстати, «соседнюю» с нею басню, «Крестьяне и Река», он тоже запомнил и спустя 35 лет, 24 апреля 1852 г., находясь в состоянии душевной болезни, воспроизвел ее по памяти и приписал филологическое замечание, касающееся выражения «половина добра».¹⁵

Как видим, Батюшкова интересует прежде всего «механизм» басенного творчества, а не басенные «реалии», и тем более не морально-политический смысл. И в пределах подобного интереса он действительно ощущает себя не очень удачливым соперником.

Может быть, этим объясняется еще одна странность, опять-таки относящаяся к периоду психической болезни Батюшкова. К концу 1840-х годов он, живший в Вологде у

¹³ Там же С 278

¹⁴ Вяземский П. А. Письма к К. Н. Батюшкову / Публ. В. А. Кошелева // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли СПб, 1994 С 129

¹⁵ Приведено в изд. Батюшков К. Н. Сочинения СПб, 1886 Т 3 С 593 С некоторыми уточнениями см. Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде / Публ. В. А. Кошелева // История в лицах. Историко-культурный альманах. Череповец, 1993 Вып 1 С 154

родственников, несколько оправился от страшного заболевания (буйное помешательство его сменилось тихим), но так и не вошел в новое окружение, продолжая жить «теми идеями и понятиями, которые вынес из сознательных лет своей жизни, и далее их не шел, ничего не заимствуя из современности, которой для него как будто не существовало».¹⁶ Он почти забыл прежних своих близких друзей и знакомых (Гнедича, Вяземского, Жуковского, Тургеневых, Пушкина и др.), вспоминал о них в прошедшем времени, но единственным «сегодняшним» литературным воспоминанием для него остался именно Крылов. Вот характерные замечания из его «сумасшедших» писем:

Из письма к внучатой племяннице А. Г. Гревенс (лето 1849 г.): «Просите вашу маменьку прислать мне духов, деньги на покупку может занять на мое имя у Ивана Андреевича Крылова. Он знает, как я честно плачу то, что беру займы» (II, 587). Из письма к вологодскому знакомому П. И. Белецкому (28 сентября 1853 г.): «Льстивое письмо Ваше я получил, любезный Петр Иванович, при беспрестанном чтении моем на память у окна вологодской конторы народной басни Крылова „Лисица и Ворона“» (II, 589).

Естественно, что столь напряженный интерес к Крылову, определивший даже и ощущения душевнобольного, был связан с особенной ролью, которую играл Крылов в литературе его времени. Восприятие душевнобольного Батюшкова сродни восприятию младшим современником «дедушки Крылова», «народного» баснописца, ставшего своеобразным эталоном поэта и близкого человека, которого можно просить о чем угодно и который поможет и простит, ибо — «дедушка». В конце жизни Батюшков сам попал под обаяние той же легенды, в создании которой принял не последнее участие.

Впрочем, не только в конце жизни и не только в состоянии сумасшествия. Феномен «дедушки Крылова» возникает уже в письме Батюшкова из его пошехонской деревни Хантоново от мая 1817 г.; Батюшков описывает здесь антураж своей знаменитой элегии «Беседка муз»: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю... руки сложа накрест. Сам Крылов позавидовал бы моему положению, особливо когда я считаю мух, которые садятся ко мне на письменный стол. Веришь ли, что очень трудно отличить одну от другой» (II, 440). «Сам Крылов» в данном случае высший авторитет, осознаваемый вполне серьезно:

Пускай и в седилах, но с бодрю душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,

¹⁶ Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде. С. 151

А в мае 1819 г., в письме из Италии, Батюшков заметил: «Греко-российскому Крылову бью челом и прошу его филолюбивую милость прислать мне новое издание басен» (II, 538). Крылов назван «греко-российским» не потому, что он «наследник Эзопа», а потому, что явил «греческое» представление о вполне свободном поэте, возросшем на почве российской действительности.

Это же ощущение проявилось и в единственном эпизоде творческого вмешательства Крылова в стихи Батюшкова. Весной 1817 г. Батюшков жил в деревне; в это время его приятель Гнедич в Петербурге собирал произведения для включения в издаваемый им том «Опытов в стихах» Батюшкова. Последний в многочисленных письмах к Гнедичу просит не печатать «дряни», отбирать только лучшее и при этом посоветоваться с друзьями-поэтами (среди которых называет и Крылова). К сожалению, ответные письма Гнедича за этот период до нас не дошли, и мы располагаем только «односторонней» информацией. В марте 1817 г. Гнедич показал Крылову (сослуживцу по Публичной библиотеке) какие-то батюшковские стихи; Крылов сделал на письме Гнедича к Батюшкову какую-то приписку («примарание»). Батюшков отреагировал на это «примарание» болезненно: «Поблагодари Ивана Андреевича за его *примарание*, но скажи ему, что мы сами с усами. Скажи ему, милый друг, что из всех его басен мне всего более нравится та, которую он кончил такими стихами:

Спой, светик, не стыдись... и проч.

Он помнит, что следует. Но за что меня жаловать в вороны? Грех ему, право, грех!» (II, 436). Вероятно, Батюшков расценил похвалу Крылова как лезть — и обиделся.

Затем, уже в мае, Батюшков послал Гнедичу «поправки» к сказке «Странствователь и Домосед», которые просил показать Крылову. В следующем письме (от начала июля 1817) напомнил: «Как понравились тебе поправки „Домоседа“? Что сказал Крылов? Ничего! Следственно, он меня ни любит, ни уважает. Если критикует, то любит, по крайней мере» (II, 450).

Гнедич высказал батюшковские обиды Крылову, и тот прислал-таки какие-то (не дошедшие до нас) свои «замечания». «Замечания» эти запоздали с пересылкой — том «Опытов в стихах» был уже отправлен в типографию. В письме Батюшкова к Гнедичу от второй половины июля 1817 г. указано: «...воспользуюсь замечаниями Крылова (которому очень обязан!) для другого издания. Теперь время ли? Если бы ты мог погодить!» (II, 453).

Следы работы Батюшкова над «другим изданием» дошли до

нас¹⁷ Возможно, что ряд стилистических исправлений — результат крыловского вмешательства. Кстати говоря, первое, что сделал Батюшков, готовя это «другое издание», — вычеркнул из него единственную «баснь» «Сон Могольца». Не стоит соревноваться с «дедушкой»

¹⁷ Экземпляр «Опытов в стихах» с правкой Батюшкова см. ОР РНБ, ф. 50, ед. хр. 18. Стилистические исправления, внесенные автором в этот экземпляр, учтены в указанном выше издании.